

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00
Суббота, воскресенье 12.00-20.00
Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

• К 70-летию со дня рождения
Д. Б. КАБАЛЕВСКОГО

Выдающийся советский композитор, педагог и общественный деятель Дмитрий Борисович Кабалевский относится к категории людей, безмерно влюбленных в дело музыкального воспитания народа. Я не ошибусь, если скажу, что среди больших советских композиторов мы знаем разных Д. Б. Кабалевского — музыкантов детского музыкального воспитания. Не случайно он избран почетным президентом Всемирной организации по музыкальному воспитанию (ИСМЕ), созданной по инициативе ЮНЭСКО.

Творчество Д. Б. Кабалевского общеизвестно. Его музыка, воспринятая на светлой, юношеской теме, близка и понятна молодежи, детям. Композитор внес свой вклад и в музыкальное воспитание. Его беседы о музыке — это шедевры эрудиции и педагогики.

У меня особенно отложилась в памяти одна из встреч

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ МУЗЫКАНТ И ПЕДАГОГ

Д. Б. Кабалевского с ребятами Воронежской средней школы № 37. Дмитрий Борисович был очень занят на репетициях в симфоническом оркестре филармонии. Готовился его авторский концерт. Несмотря на это, композитор безоговорочно согласился прийти в школу.

На мой, может быть, не очень уместный вопрос, почему он так легко согласился прийти в школу, Дмитрий Борисович сказал: «Школа — есть школа, и ее нельзя сравнять с любыми организациями!» Вот как выражает свою любовь к школе этот замечательный музыкант и педагог. И вот в этот раз пришло и умение вызывать интерес у детей в музыке. Ведь у Д. Б. Кабалевского это получается особенно интересно. И вот, наконец, новое обличье работы, к которой обратился Дмитрий Борисович: преподавание музыки в общеобразовательной школе. Мне почастливилось быть на этих уроках, участвовать в семинарах, под его руководством. Работа Д. Б. Кабалевского

с нами, учителями, настолько увлекательна, что мы возвращаемся с семинара под огромным впечатлением и работаем с большим интересом по его программе.

В честь нововстроек этой программы? Почему ее заинтересовалася директорская учительская? Опираясь на опыт первых учительских, Д. Б. Кабалевский идет своим собственным путем. Его не считают многоглетним традиционным представлением о том, что только пение является единственно возможной формой музыкального воспитания в общеобразовательной школе. Не отрывая важности певческой работы на уроках, он отводит большую роль классической. Программа построена так, чтобы музыка всеми существом оказывала влияние на юную душу. Для такой работы уже требуется от учителя не столько навыка управления детским хором, сколько уме-

ния показать музыкальное произведение, рассказать о нем, в общем, увлечь детей искусством музыки.

Д. Б. Кабалевский намного расширил диапазон творческой личности школьного учителя. Вот что он говорит нам: «Самому учителю мало знать предмет, т. е. музыку. Он должен любить музыку, относиться к ней с влечением и никогда не забывать, что есть языка для детей в любви к тому, чего не любишь сам».

Как-то беседуя с учителями, Дмитрий Борисович заметил: «Я конечно, мог бы написать еще один симфонию, но не лучше ли создать новую школную программу музыкального обучения? Эти слова сказали многое.

70-летие Д. Б. Кабалевского встречено в расцвете творческих сил. Кипучая деятельность этого выдающегося музыканта и педагога — добрый пример.

Я. ГАЛЬПЕРИН.

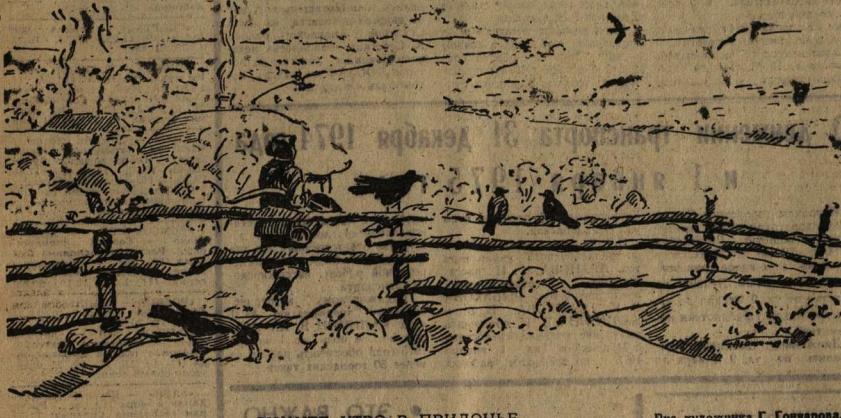

Рис. художника Г. Гончарова.

Сергей ЛИСИЦКИЙ

ПАСТУХИ РАССКАЗ

За даниловским взорем, где степная дорога круто поворачивает влево и вниз, чтобы выйти на луга, и затеряется у самого горизонта, — было родиной старой криницы. Из меловых расщелин с журчанием текут небольшие, но сильные струи. Вода падает в зарытый котлов и мелким камышом пруд, который соединяется с глубокими пещерами, что растянулись по длине степной реки.

Данилов. Степь воткнута кажется лопнет от собственной жажды. Встретив в степи лыщих сухим раскаленным воздухом, смешанным с запахами спелых хлебов, земляники, пыльцы. Ни плоды не спелы, но появляется дорожная пыль. Однако звонят журавли и высоко-высоко в небе парят степной коршуны. Кажется, что здесь вечно было так же, как сейчас.

— Эх, водичка! Пойми, — говорит пастух, пожелавший загородить мужчину молодому. Он противится ему жаждущий лист, наполненный водой. Крупные, тяжелые капли, словно руть, перекатаются на краях листа, сверкая на солнце.

— Ну, и жара, к дюже должно... — шуршит парень, вытирая рукающим подбородком.

Они повернули направо гнущийся солдатский котелок и не спеша идут к тылу, где отыскали разомкнутый от дневного пекла стадо.

...Никто не помнит, с каких пор ходят в пастухах Тимошка Драк, кажется, он так же вечен, как эта степь. Был него нечего представить себе сельского стада, как и этого жаждущего для без солнца и стенного простра. Никто точно не знает его отца, — все называли его Тимошкой. Стадо когда прибавляла странную фамилию. А сколько ему лет — определить и вовсе трудно. Кто видел его плавать-трямать лет назад, точно почти таким же увидел его и сегодня, худощавого, загорелого. Тимоша, казалось, не властен над его возрастом, над его судьбой.

Коровы дремлют, закрытые глаза и пережевывают жвачку. Вот коричневая голова с белым пятном на лбу — это корова Петра Фатеева, а вон пегая с надрезанным ухом — бабы Ладонки. Тимошка знает их всех, даже тех, которых не видел, — каждую по голосу. Немногие из них были по имени холмов. Ползущая мышь-холм коровы Насти Грачевой, которая так же своеобразна, как и холм. Грачкой. А ленивую, черную с белыми пятнами Оксаны Протасовой называли — Сметанка, потому, что старая Протасова любила сметану и на все соде смазывала мастерски ее приготовления.

— Гей, гей, Степанка! Фут изумом! — подгонял он ленивую, всегда плетущуюся в хвосте корову.

Многое хлопот доставляла Грачиха. То в скверу заберется, то в горах, а раз так не окопела, обеявшись кудурами.

— О, черт, треклятка! — ворчал он, когда, тяготясь, по сторонам, удалялся от стада. — Гони ее Мига, — орал Тимоша и плевал в таких случаях.

Тимошка положил ложкой в огонь кизака — в котелке зарялась каша, деревянной ложкой собрал ряжую пену, выплеснул ее и, дуя на горячую кашу, снял пробу.

— Подсолить малость, ах нет? — морщил он лоб, ни к кому не обращаясь, но ожидая от Миги совета. А тот лежит, у огня, смотрит газету. Лицо его серьезно и сосредоточено. «Пусты», — думает отец. Он привык к тому, что сын его часто погружается в чтение, и старался в такие минуты не мешать.

Мига мало чем похож на отца. Это полный, невысокого роста семнадцатилетний паренек с курчавыми волосами, смуглым

открытым лицом. В этом году он окончил десятилетку, и будущему казалось ясным и вполне определенным.

— Эха жарит, — отложил Мига газету и вытянулся в полный свой рост.

— Давай сидеть, — снимает отец с тапочки дымящаяся котелка. — Ты вот толкнуешь все, мол, само собой произошло, — говорит отец, продолжая начатый когда-то разговор. Хоть я и неграмотный и незеруиний, я думаю, что все-таки это есть, как так, чтобы ничего не было?

Мига дает из сумки хлеб, режет его и улыбается красным губам: Он знает, что отец любит пофилософствовать, что он будет говорить о происхождении мира, о жизни на других планетах, о будущем.

— Конечно, есть, — соглашается сын, — есть земля, солнце, планеты.

— Эх-э, все это мне понятно. Откуда все это? Вот фут изумом!

Шуча, должно? — спрашивает Мига отца. Он долго смотрит на распыляющиеся крупи и сам себе отвечает: — Она, должно. Да-а, слишком быстро жизни вперед пошла за последние годы... — жует он хлеб, — пошла, а меня вондеяя сторона обволна. Хорошо, хоть стада не тронула. Мое дело для себя состоять, а при нем я и в коммунизме, может, буду.

...В молодости я первым косарем был. Бывало, выйдет косить рожь, а Пелагея, братова жена, ни приговаривать: «А ну, косари, зачините до зари!» Мокрые спины-дотатки, берегись, наступаю на пятки! Снопы вязать здорова была. За любым коском не отстань, бывало. А теперь — где косари? Где вязальщики?... В сенокос и то жатками косят! Я, фунт изумом, увел двадцать снопов в кабине который лежит. Да-а, здорово жизнь изменилась. Лиши ее роль, роль сельского пастуха не потеряла своего значения.

— День добрий! — шуршит на солнце подъехавший на лесопильку почтальон.

— Здорово, Егор Петрович, — улыбается Тимошка.

— Четвертый бригада решил — настыбить, — протягивает он Мига конверт, — и к вам вон по пути Жарко бально...

Жара, — соглашается пастух и смотрит на мокрые племята.

— Бать, а бать, из Воронежа присыпал. Засыпал меня, — раздосторгивает Мига отец.

— Часчики?! — удивленный и радостный смотрит отец.

Ну, Кудым Иванович, спасибо ему. Направим, говорит, за счет колхоза и направили. Спасибо! — убирает он сумку. — Что ж, сынок, сажай, учись, — лицо его светится радостью. — Однако пора, — смотрит он на солнце.

Грачиха уодинялась, за нее подхватились в другие.

— Гей-гей! — звонко кричит Тимошка. Они гонят стадо на холм, на долину мельницы, когда-то порогом.

— О, черт, треклятка! — ворчал он, когда, тяготясь, по сторонам, удалялся от стада. — Гони ее Мига, — орал Тимоша и плевал в таких случаях.

Тимошка положил ложкой в огонь кизака — в котелке зарялась каша, деревянной ложкой собрал ряжую пену, выплеснул ее и, дуя на горячую кашу, снял пробу.

— Подсолить малость, ах нет? — морщил он лоб, ни к кому не обращаясь, но ожидая от Миги совета.

А тот лежит, у огня, смотрит газету. Лицо его серьезно и сосредоточено.

— «Пусты», — думает отец. Он привык к тому, что сын его часто погружается в чтение, и старался в такие минуты не мешать.

Мига мало чем похож на отца. Это полный, невысокого роста семнадцатилетний паренек с курчавыми волосами, смуглым

открытым лицом. В этом году он окончил десятилетку, и будущему казалось ясным и вполне определенным.

— Эха жарит, — отложил Мига газету и вытянулся в полный свой рост.

— Давай сидеть, — снимает отец с тапочки дымящаяся котелка.

— Четвертый бригада решил — настыбить, — протягивает он Мига конверт, — и к вам вон по пути Жарко бально...

Жара, — соглашается пастух и смотрит на мокрые племята.

— Бать, а бать, из Воронежа присыпал. Спасибо! — раздосторгивает Мига отца.

— Часчики?! — удивленный и радостный смотрит отец.

Ну, Кудым Иванович, спасибо ему. Направим, говорит, за счет колхоза и направили. Спасибо!

С часчики же пришли в такие минуты не мешать.

— Подсолить малость, ах нет? — морщил он лоб, ни к кому не обращаясь, но ожидая от Миги совета.

А тот лежит, у огня, смотрит газету. Лицо его серьезно и сосредоточено.

— «Пусты», — думает отец. Он привык к тому, что сын его часто погружается в чтение, и старался в такие минуты не мешать.

Мига мало чем похож на отца. Это полный, невысокого роста семнадцатилетний паренек с курчавыми волосами, смуглым

открытым лицом. В этом году он окончил десятилетку, и будущему казалось ясным и вполне определенным.

— Эха жарит, — отложил Мига газету и вытянулся в полный свой рост.

— Давай сидеть, — снимает отец с тапочки дымящаяся котелка.

— Четвертый бригада решил — настыбить, — протягивает он Мига конверт, — и к вам вон по пути Жарко бально...

Жара, — соглашается пастух и смотрит на мокрые племята.

— Бать, а бать, из Воронежа присыпал. Спасибо!

— Часчики?! — удивленный и радостный смотрит отец.

Ну, Кудым Иванович, спасибо ему. Направим, говорит, за счет колхоза и направили. Спасибо!

С часчики же пришли в такие минуты не мешать.

— Подсолить малость, ах нет? — морщил он лоб, ни к кому не обращаясь, но ожидая от Миги совета.

А тот лежит, у огня, смотрит газету. Лицо его серьезно и сосредоточено.

— «Пусты», — думает отец. Он привык к тому, что сын его часто погружается в чтение, и старался в такие минуты не мешать.

Мига мало чем похож на отца. Это полный, невысокого роста семнадцатилетний паренек с курчавыми волосами, смуглым

открытым лицом. В этом году он окончил десятилетку, и будущему казалось ясным и вполне определенным.

— Эха жарит, — отложил Мига газету и вытянулся в полный свой рост.

— Давай сидеть, — снимает отец с тапочки дымящаяся котелка.

— Четвертый бригада решил — настыбить, — протягивает он Мига конверт, — и к вам вон по пути Жарко бально...

Жара, — соглашается пастух и смотрит на мокрые племята.

— Бать, а бать, из Воронежа присыпал. Спасибо!

С часчики же пришли в такие минуты не мешать.

— Подсолить малость, ах нет? — морщил он лоб, ни к кому не обращаясь, но ожидая от Миги совета.

А тот лежит, у огня, смотрит газету. Лицо его серьезно и сосредоточено.

— «Пусты», — думает отец. Он привык к тому, что сын его часто погружается в чтение, и старался в такие минуты не мешать.

Мига мало чем похож на отца. Это полный, невысокого роста семнадцатилетний паренек с курчавыми волосами, смуглым

открытым лицом. В этом году он окончил десятилетку, и будущему казалось ясным и вполне определенным.

— Эха жарит, — отложил Мига газету и вытянулся в полный свой рост.

— Давай сидеть, — снимает отец с тапочки дымящаяся котелка.

— Четвертый бригада решил — настыбить, — протягивает он Мига конверт, — и к вам вон по пути Жарко бально...

Жара, — соглашается пастух и смотрит на мокрые племята.

— Бать, а бать, из Воронежа присыпал. Спасибо!

С часчики же пришли в такие минуты не мешать.

— Подсолить малость, ах нет? — морщил он лоб, ни к кому не обращаясь, но ожидая от Миги совета.

А тот лежит, у огня, смотрит газету. Лицо его серьезно и сосредоточено.

— «Пусты», — думает отец. Он привык к тому, что сын его часто погружается в чтение, и старался в такие минуты не мешать.

Мига мало чем похож на отца. Это полный, невысокого роста семнадцатилетний паренек с курчавыми волосами, смуглым

открытым лицом. В этом году он окончил десятилетку, и будущему казалось ясным и вполне определенным.

— Эха жарит, — отложил Мига газету и вытянулся в полный свой рост.

— Давай сидеть, — снимает отец с тапочки дымящаяся котелка.

— Четвертый бригада решил — настыбить, — протягивает он Мига конверт, — и к вам вон по пути Жарко бально...

Жара, — соглашается пастух и смотрит на мокрые племята.

— Бать, а бать, из Воронежа присыпал. Спасибо!

С часчики же пришли в такие минуты не мешать.

— Подсолить малость, ах нет? — морщил он лоб, ни к кому не обращаясь, но ожидая от Миги совета.

А тот лежит, у огня, смотрит газету. Лицо его серьезно и сосредоточено.

— «Пусты», — думает отец. Он привык к тому, что сын его часто погружается в чтение, и старался в такие минуты не мешать.

Мига мало чем похож на отца. Это полный, невысокого роста семнадцатилетний паренек с курчавыми волосами, смуглым

открытым лицом. В этом году он окончил десятилетку, и будущему казалось ясным и вполне определенным.

— Эха жарит, — отложил Мига газету и вытянулся в полный свой рост.

— Давай сидеть, — снимает отец с тапочки дымящаяся котелка.

— Четвертый бригада решил — настыбить, — протягивает он Мига конверт, — и к вам вон по пути Жарко бально...

Жара, — соглашается пастух и смотрит на мокрые племята.

— Бать, а бать, из Воронежа присыпал. Спасибо!

С часчики же пришли в такие минуты не мешать.

